

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 4-го мая 1903 года.

„Божій старикъ“.

Мих. Мих. Сперанскій.

„Божій старикъ“—такъ звали въ Иркутскѣ Мих. Мих. Сперанскаго, которому было поручено прекратить Пестелевину въ Сибири. Провидѣнію было угодно связать судьбу этого величайшаго изъ государственныхъ людей Россіи съ судьбой отдаленной провинціи и одинъ изъ эпизодовъ его жизни обрѣтитъ въ страницу изъ исторіи нашей области.

Будущій генералъ-губернаторъ области, въ которой встрѣчаются факты Непоминцій, Неизвѣстныхъ и т. п., рожденъ отъ бѣднаго священника, не имѣвшаго фамиліи, прозвища,— въ деревушкѣ Черкутинѣ, Восточн. губ. (1 янв. 1772 г.). Выдающіяся способности мальчика обнаружили еще въ школьной скамьѣ и ему была дана фамилія Сперанскій. „Надѣжда“, возлагавшаяся на него учителями школы, оправдалась; Сперанскій служилъ главнымъ помощникомъ императора Александра I въ его реформаторской дѣятельности. Слѣдскій прихѣтъ быстраго возвышенія изъ рядовъ сельскихъ обывателей на самыя верхнія ступени государственной службы.

Сперанскій о себѣ говорилъ: „Я никогда не хотѣлъ быть въ толгѣ и конечно не буду“. Въ устахъ другого эта фраза могла обозначать только жажду карьеры, но въ устахъ человека съ такой философской начитанностью, какою отличался Сперанскій, это означало, что онъ не желалъ остаться въ рядахъ людей съ зауряднымъ мышленіемъ, съ заурядными запросами отъ жизни, что онъ считалъ себя призваннымъ совершить не обыкновенныя дѣла. И его жизнь показала, что онъ искренно задумывался о благѣ человѣчества и только въ интересахъ его мечталъ о широкой государственной дѣятельности.

Александръ I при вступленіи на престолъ задумалъ произвести коренную реформу внутренняго управленія имперіей; съ этою цѣлью были составлены негласный комитетъ, въ который вошли Кочубей, Новосильцевъ и Чарторыйскій. Это были благородно настроенные люди, безъ привычки къ усидчивому труду за письменнымъ столомъ. То, чего комитету не доставало, нашлось въ Сперанскомъ; онъ былъ призванъ къ этой реформаторской дѣятельности и сдѣлался центромъ реформы. По отзывамъ не только русскихъ историковъ и юристовъ, но и иностранцевъ, которыхъ нельзя заподозрить въ національномъ пристрастіи, это былъ гениальный государственный человѣкъ, какіе рѣдки и въ Европѣ. Настъ и теперь поражаетъ, какъ далеко онъ опережалъ своихъ современниковъ въ пониманіи общественныхъ интересовъ и въ умѣнныя надеждами образомъ рѣшать общественныя проблемы; такъ, напримеръ, онъ тогда уже высказался противъ безземельнаго освобожденія крестьянъ.

Въ 1803 г. императоръ поручаетъ Сперанскому составить планъ преобразовательныхъ работъ; съ 1806 года начинаются личныя сношенія Сперанскаго съ императоромъ. Богатыя одаренности, Сперанскій охватываетъ всей реформаторской дѣятельностью всѣ отрасли управленія; онъ составляетъ проектъ реформы административнаго управленія, пишетъ новые судебные уставы, предлагаетъ мѣры для приведенія финансовъ въ порядокъ. Онъ работаетъ по 18 часовъ въ сутки. Въ концѣ 1808 г. ему поручено составить общій планъ окончательнаго преобразованія, какъ низшихъ, такъ и высшихъ правительственныхъ учреждений; черезъ годъ, въ октябрѣ 1809 г. планъ у Сперанскаго былъ уже готовъ; два мѣсяца, императоръ и Сперанскій, занимались дополненіемъ и исправленіемъ проекта и затѣмъ рѣшено было эти предначертанія вводить въ жизнь. Этотъ планъ

по отзывамъ специалистовъ, ставитъ Сперанскаго въ рядъ самыхъ передовыхъ политическихъ мыслителей начала XIX вѣка. Въ основѣ реформъ было положено раздѣленіе трехъ властей: законодательной, судебной и административной. Центральное государственное управленіе должно было состоять изъ трехъ независимыхъ учреждений: государственной думы, облеченной законодательной властью, сената, облеченнаго судебной властью и министерствъ, которымъ вручалась власть административная. То же раздѣленіе властей было проведено и въ провинціальныхъ учрежденияхъ; не только въ высшихъ учрежденияхъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ, но и въ самомъ низу, въ волостяхъ были установлены три независимые органа: законодательный, судебный и административный. Такимъ образомъ, каждая мелкая территориальная единица могла удовлетворять своимъ мѣстнымъ нужды и устраиваетъ дѣла по своему усмотрѣнію, не обременяя ими ни центрального правительства, ни даже ближайшихъ высшихъ органовъ управленія. „Эта идея децентрализаціи, — говоритъ одинъ изъ біографовъ Сперанскаго, —

его государственный авторитетъ, расположеніе къ нему императора ослабѣвало и завершилось полнымъ охлажденіемъ; причина этой перемены до сихъ поръ неизвѣстна.

Аллоръ Сперанскаго не соответствовали воспримчивости окружающихъ его сторонниковъ реформы; сначала его сдерживалъ Кочубей, когда былъ его начальникомъ, а потомъ это дѣлалъ и самъ императоръ.

Благородный характеръ Кочубея ярко обрисовывается его отношеніями къ Сперанскому; въ Кочубевѣ не было мелкой зависти къ возрастающему значенію Сперанскаго; онъ не видѣлъ въ повышающемся быстро сановникѣ опаснаго узурпатора; онъ не только не заслонялъ Сперанскаго передъ императоромъ, но самъ выдвигалъ его, самъ сдѣлалъ его личнымъ докладчикомъ у государя и когда Сперанскій палъ, Кочубей искренно былъ огорченъ его паденіемъ. Но такихъ благородныхъ царедворцевъ было мало. Другіе воспользовались охлажденіемъ государя къ Сперанскому и начали раздвигать подозрѣнія императора. Записка историка Карамзина, написанная въ строго монархическомъ духѣ, поданная государю, дала ему идейную опору въ охлажденіи къ реформамъ Сперанскаго. Къ этому присоединился интрига, которую вели баронъ Армфельдъ, шведскій аристократъ, и министръ полиціи Балашовъ. Въ началѣ 1812 г., передъ вступленіемъ Наполеона въ Россію, Сперанскій по повелѣнію императора былъ неожиданно арестованъ и сосланъ въ Пермь. Народная молва приписала Сперанскому государственную измену и сношенія съ Наполеономъ; другая легенда разказывала объ участіи Сперанскаго въ заговорѣ противъ императора тайныхъ обществъ. Очевидно, все это не правда; иначе, судьба Сперанскаго послѣ пермской ссылки была-бы иная. Впослѣдствіи самъ императоръ въ одной бесѣдѣ выразился, что въ этомъ инцидентѣ ничего политическаго не было и что удаленіе Сперанскаго было личнымъ дѣломъ его, императора.

Если-бы не было этой опалы, имя Сперанскаго не было-бы причастнымъ къ исторіи Сибири. Находясь въ ссылкѣ, Сперанскій просилъ у императора суда, но суда надъ нимъ не было, а его назначили сначала губернаторомъ, а потомъ въ 1819 г. генералъ-губернаторомъ въ Сибирь, въ которой законъ тогда былъ не извѣстенъ; его замѣняли производъ и личное усмотрѣніе.

„Это была, говоритъ біографъ Сперанскаго, по истинѣ система сатрапій, гдѣ личная воля крупныхъ и мелкихъ тирановъ замѣняла собою и законъ и правосудіе“. Сперанскому поручено было произвести ревизію управленія Сибирью. Свою задачу Сперанскій понималъ не въ смыслѣ погрома сибирскихъ взяточниковъ, а въ смыслѣ дарованія краю новыхъ учреждений, лучше обеспечивающихъ личную безопасность обывателей. Сибирская легенда утверждала, что въ первоначальной редакціи сибирскаго уложенія, которую онъ повезъ въ Петербургъ, было предположено ограниченіе власти сибирскихъ генералъ-губернаторовъ совѣтами изъ чиновъ, избранныхъ населеніемъ. Въ официальныхъ бумагахъ Сперанскаго слѣдовъ такихъ предначертаній не находится, хотя они неизбежно должны были выведены изъ принципа, который высказалъ самъ Сперанскій въ введеніи къ проекту уложенія, гдѣ высказана необходимость согласія дѣйствій власти съ сластолюбіемъ, охранить власть отъ самовласти и злоупотребленій, чтобы дѣйствія ея были не личнымъ и домашнимъ, но публичнымъ служебнымъ управленіемъ*). Либеральныя предположенія, вѣроятно, не были представлены Сперанскимъ на бумагѣ; они могъ мысленно легѣть ихъ, говорить о нихъ по возвращеніи изъ Сибири, говоритъ авторъ цитированной выше книги (и можетъ быть въ Сибири до отъѣзда, прибавимъ отъ себя), но

Михаилъ Михайловичъ Сперанскій.

была тѣмъ замѣчательна, что вовсе не стояла еще на очереди у западно-европейскихъ политическихъ мыслителей, которые больше занимались разработкой вопросовъ о центральномъ управленіи. Это было время крайняго развитія всепоглощающей бюрократической централизаціи во Франціи, организованной первую Республикой; съ другой стороны и консервативная Австрія развивала ту же систему полицейско-бюрократической централизаціи. Тѣмъ больше чести политическому творчеству нашего реформатора, что всѣ эти западные примѣры не помѣшали ему установить болѣе правильныя взгляды на отношенія центрального и мѣстнаго управленія. Да, это удивительно; уже тогда, за сто лѣтъ до нашего времени, Сперанскому не казалась немислимою самостоятельная законодательная дѣятельность областей.

Смѣлый реформаторъ стремительно принялся за осуществленіе своихъ проектовъ; онъ торопилъ императора и заражалъ его своимъ смѣлостью. Но по мѣрѣ того, какъ реформы вводились одна за другой, начала расти оппозиція реформѣ. Крѣпостники въ союзѣ съ клерикалами начали походъ противъ реформатора, который, отличающійся смѣлостью въ области мысли, не обладалъ нужнымъ для осуществленія реформы характеромъ; это не былъ „железный канцлеръ“. Къ тому же по мѣрѣ того какъ развивалась творческая дѣятельность Сперанскаго и возрастала

*) С. Пругачевъ, Сибирскія описанія, Сиб., 1899, стр. 194.

едва ли мог рѣшиться ввести ихъ въ законопроектъ *).

Въ Иркутскѣ, гдѣ была резиденція генерал-губернатора Сперанскаго, одна изъ площадей названа площадью Сперанскаго; на ней предполагено поставить памятникъ знаменитому реформатору; подписка на памятникъ открыта при Иркутской городской думѣ.

Г. II.

Были житейскія.

Егропка разбойникъ.

Глухая тайга съ мрачными темными елями, зимою особенно угрюмо смотрящая въ глаза непривычному человеку, наводящая тоску, и среди нея, какъ оазисы, полная народомъ рудники, подъ почвой которыхъ таится неисчислимыя богатства разныхъ рудныхъ породъ, начиная съ золота и серебра и кончая оловомъ... Жизнь кипитъ въ нихъ, бьетъ ключемъ; отрѣзанные отъ остального міра непроходимыми въ весеннее и осеннее время дорогами, тамъ жили и мыслили люди,

но: нырки попадались—гигантскіе и невылазные—чуть не по сотнѣ на каждой верстѣ... Жизнь въ рудникѣ совсѣмъ заглохла, тревожила только мѣстными интересами; люди тупли отъ скуки... Обычные гости изъ близняго города, любившіе широкое гостепріимство горныхъ чиновниковъ, не появлялись, но не дорога страшна великаго—сибирскіе люди привычны къ такимъ дорогамъ—а разбойникъ. Егропка, безнаказанно шитившій съ проѣзжими, грабившій каждого встрѣчнаго и, въ крачномъ прошломъ котораго насчитывалось не мало преступлений... Сколько его ни старались поймать, не могли: онъ былъ просто неуловимъ и своими подвигами наводилъ ужасъ... Кто былъ онъ—достоверно не знали: иные говорили, что онъ бѣглый каторжникъ, другіе называли его именемъ рабочаго, давно исчезнушаго изъ одного рудника послѣ безчеловѣчнаго наказанія за какой-то неважный проступокъ... Вообще толковъ о немъ было много, но никто не зналъ его настоящаго прошлаго.

И вдругъ этотъ неуловимый рыцарь большой дороги попался печально и нежданно въ руки ватаги рабочей молодежи, гулявшей въ воскрес-

Совершая обычную прогулку, Василій Марковичъ услышалъ крики и ругань, увидалъ отъ всюду бѣгущихъ любопытныхъ и двинулся къ слѣдъ за ними, и то, что онъ увидалъ, наполнило негодованіемъ и сожалѣніемъ его мягкаго сердца.

Нѣсколько сильныхъ людей, окруженные толпою обывателей, волокли на поясахъ человека облитого кровью, почти раздѣтаго, съ босыми ногами; его пинали, толкали, били... даже женщины накидывались на него и старались какъ-нибудь причинить ему боль... а онъ угрюмо шелъ за тянувшими его людьми, ступая по снѣгу своими посинѣвшими ногами... онъ покорило молчалъ, и только глаза его черные, сухіе, блестящіе глядѣли какъ у затравленнаго волка ненавистнымъ взглядомъ на эту мучившую толпу озвѣрѣвшихъ людей.

— Стойте! изъ всѣхъ силъ крикнулъ Василій Марковичъ, протискиваясь среди толпы къ разбитымъ, тащившимъ Егропку—не стыдно ли такъ мучить его?..

— Што вы баринъ, какое тутъ мученье? гудѣли голоса.—Вѣдь его Егропка злодѣи словили его, слава Тѣ Господи!.. онъ сейчѣ

Привалъ арестантовъ. Съ картины художника В. И. Якобія.

не рѣдко умные и добрые, люди съ хорошимъ образованіемъ и не лишенные талантовъ, жили объ руку съ грубымъ рабочимъ людомъ, и на ихъ глазахъ происходили подчасъ тяжелыя драмы самоуправства и мести.

Многіе привыкали, но нѣкоторые, и особенно мягкій, добрый и крайне гуманный Василій Марковичъ Н., занимающій мѣсто помощника управляющаго въ большомъ С—комъ рудникѣ, страшно тиготился этими драмами и употреблялъ все вліяніе и стараніе для смягченія суровыхъ нравовъ своихъ подчиненныхъ, не рѣдко успѣвая въ этомъ.

Это былъ симпатичный, еще совсѣмъ молодой человекъ, съ умнымъ красивымъ лицомъ и мягкимъ взглядомъ темныхъ глазъ, отзывчивый и чуткій ко всякому человѣческому горю; рабочіе его любили и хорошо относились къ нему,—не изъ страха, конечно, а за его доброе отношеніе къ нимъ: онъ жилъ съ ними уже нѣсколько лѣтъ, и они хорошо его знали.

Въ зима, морозная, бурная, таежная, засыпавшая лѣса такими массами снѣга, что представляли изъ себя нѣчто ужас-

ный день около С—ра, и нечаянно заблудившейся въ лѣсу. Блуждая по лѣсу, ватага набрела на маленькую избушку; а въ избушкѣ какъ волкъ въ норѣ, спалъ спокойнымъ сномъ безъ всякой охраны, словно невинный младенецъ, самъ Егропка. Рабочіе такъ-бы и не узнали его, принявъ за бѣзблага, которыхъ много зимуетъ въ тайгѣ, еслибы онъ, разбуженный ихъ входомъ, самъ не кинулся на нихъ, принявъ за полицейскихъ.

Это нападеніе ожесточило рабочихъ и вселило въ ихъ души догадку о личности недружелюбнаго хозяина избушки: они разомъ напали на него и началось беспощадное битие.

Но Егропка не дала: отчаянно защищаясь, онъ ранилъ одного на смерть своимъ ножомъ, другого убилъ на повалѣ... Но сила сломила, и избитаго, связаннаго полуодѣтаго его поволокли къ С., заставивъ показывать дорогу.

Дорога оказалась очень близко; рабочіе сами недоумѣвали, какъ они могли заблудиться въ 2-хъ верстахъ отъ рудника; но благодаря поимкѣ такого звѣря, какъ Егропка, не жалѣли о томъ, что заблудились. Съ шумомъ таща его, шли они по улицамъ рудника. Былъ хмурый зимній день, тучи низко нависли надъ землею, наступали сумерки.

только двухъ нашихъ ухлопалъ: одного „ни все“, а другой еле живъ: за нами вонъ не ихъ...

— Пусть его судятъ за это!.. но бить-то!.. Но протестъ этого человека, хотя и напика, не имѣлъ значенія, и только зоркіе глаза разбойника долгимъ взглядомъ нули фигуру единственнаго заступника, и какая-то неудовима, тѣнь прошла по его суровому выразительному лицу.

Кортежъ съ руганью и руганью дошелъ правленія. Василій Марковичъ не отставалъ отъ него, взволнованный и объятый жалостью къ этому человеку, который обращался къ нему съ звѣремъ, въ этой толпѣ, забывшей все жалость... Но толпа онъ не могъ строго судить, зная вредъ, наносимый Егропкою. Но его рою душѣ было тяжело видѣть эту кровь, посинѣвшіе ноги разбойника, въ которомъ смотря на его преступки онъ видѣлъ страдальца человека.

Воспользовавшись шумными объясненіями стороны лицъ, поймавшихъ Егропку, обрамными къ полицейскимъ властямъ, онъ блподошелъ къ разбойнику, снявъ съ себя те высокія галоши и молча поставилъ около

ноги; конвойные удивленно переглянулись, увидя это, а Егрокша поднял облитое кровью лицо и опять поглядывал на него долгим пристальным взглядом и точно так же надвигался на него.

Приказав конвойным дать арестанту полупудовку, Василий Маркович ушел домой; но много дней спустя, он не мог забыть взгляда разбойника—пристального, вдумчивого, удивленного; у него каждый раз бьюсь сердце при воспоминании об этом лице, залитом кровью, этой дрожащей фигуре, растерзанной и избитой, в холодный зимний день стоящей босыми ногами на снегу... Скоро он узнал, что Егрокшу увезли в острог. Но как ни надежна там была охрана, он вскоре убегал и канул бесследно, точно во воду...

Услыхав о его побеге, обитатели рудника страшно встревожились, — и много и долго говорили об этом. Но пришла весна с работами, и новые интересы заняли умы. У Егрокши не было и помину, пока с первыми заморозками имя его снова не выплыло на свет Божий с прибавлением рассказов о начавшихся грабежах и разбоях, učinяемых им с шайкой разбойников... Дороги опять стали не безопасны, грабили и обирали всякого проезжающего, но все это дѣлалось далеко от С—ка, точно разбойники боялись заглянуть в те мѣста, где его так недавно поймали.

— Понимать расправу! — даже посмѣивались расхрипавшиеся рабочие... — Слава Богу — зима кь концу, а у нас тихо: бонеси, шельма, заглянуть сюда... а там-то вот... и начинались рассказы о его подвигах, изукрашенные досужим воображением и походившие порою и на мысленный, в котором личность Егрокши разрасталась до чудовищных размеров сказочного богатыря.

Василий Маркович давно забыл всю эту историю; его не волновали толки о подвигах разбойника; занятый человек — он краткие минуты досуга уделял дѣтям, не любя праздной болтовни; да и работы было так много, что даже семье мало времени оставалось. В концѣ мая он должен был съ большою суммою

масса хвойного лѣса стояла высокой стѣной, угрюмая темная; тѣсно росли огромные сосны и ели, и словно тайну хранила эта глушь...

Жутко Василию Марковичу. Он ѣдет туда, кь этому лѣсу, который кажется, самъ движется на него ближе и ближе всей своей громадой. Лошади ровно ступаютъ, позвякиваютъ бубенчики у узда, слышатся рѣдкіе слова. Проводникъ Иванъ Ридъ, именемъ котораго названъ только что открытый Риддерскій рудникъ, и изъ котораго они уѣхали сегодня, что-то рассказываетъ; слушатели изрѣдка смѣются, нарушая тишину, но смѣхъ ихъ звучитъ какъ-то не естественно, фальшиво, словно и имъ жутко, какъ Василию Марковичу, отъ вида этой таинственной глуши. Ступистая лошадь подъ Василиемъ Маркови-

— Постой! — остановилъ его другой; и безъ него найдемъ! а за-то, что отпирался, ухлопать всегда время будетъ... — Эй, вы... давай огня, ребята! да этого сторожика крѣпче... сперва обыскъ учинимъ... выюки подавайте сюда!

При светѣ смолистыхъ факеловъ разбойники закопошились около лошадей, развязывая и раскрывая выюки. Подавленный неожиданнымъ приключениемъ, сулившемъ гибель, Василий Маркович тоскливо сжалъ руки.

Вотъ его снова окружили.

— Обыскавъ его, командовать начальнику, — може и съ нимъ еще есть суммы.

И мигомъ съ Василия Марковича стащили одежду, осмотрѣли даже бѣлье; онъ молчаливо позволялъ обращаться съ собою, какъ съ вещью, а губы его что-то шептали молитву или благословение тѣмъ, кого онъ любилъ, кого вспоминалъ въ эти послѣднія минуты... одежду на него опять надѣли. Разбойники нѣсколько минутъ о чемъ-то говорили между собой... и старшій снова обратился кь нему.

— Кому ты деньги передалъ для работъ въ рудникѣ новомъ? говори: чиновнику ли твоему, али кому другому изъ служащихъ?!... сказывай, говорю, а то задарма душу погубишь свою; тебѣ что чужія деньги, коли своей конецъ приходитъ... ну-же, сказывай!

— Деньги всѣ со мной... вы ихъ взяли!

— Врешь! знаемъ мы тебя: сейчасъ вралъ, што съ тобою денегъ нѣтъ... скажешь ты, али нѣтъ — у кого они?! Заревѣть старшій, наступая на Василия Марковича.

Онъ отрицательно покачалъ головою.

— Скажешь?... или я разможжу тебѣ голову!!!

Вся кровь отлила отъ лица Василия Марковича; онъ закрылъ глаза и съ заходящимъ сердцемъ опять началъ головою.

— Ахъ ты...

„Господи!“ пронеслось въ напряженномъ мозгу, и Василий Маркович склонилъ голову, чувствуя у виска холодъ стального дула, приставленного кь нему.

Рахмановское озеро на Алтаѣ.

чемъ идти ровно, покачивая его на сѣдлѣ; его клонитъ ко сну, онъ смотритъ въ угрюмую лѣсную глушь усталымъ взглядомъ: „уснуть-бы!“ но сонъ отгоняетъ забота о казенныхъ деньгахъ, порученныхъ ему, не дасть забыться.

Гдѣ то впередъ шумитъ рѣчка или ручей, ближе и ближе шумъ воды; вотъ на прогалинѣ изъ за лѣса мелькаетъ узкая, свѣтлая полоса съ отраженными въ ней звѣздами; лошади идутъ скорѣе, протиснувшись впередъ морды; еще поворотъ лѣсной тропинки, и рѣка у ихъ ногъ, не широкая, но говорливая горная рѣка, съ мягкимъ рокотомъ катящая по камнямъ свои волны. Спутники Василия Марковича продолжаютъ мирно бесѣдовать съ Ридомъ относительно брода. Приостановившіяся лошади жадно пили воду.

Вдругъ рѣзкій свистъ нарушилъ эту тишину; лѣсъ ожилъ... Гамъ, крики, ругань... Не прошло и двухъ минутъ, какъ кучка людей, сопровождавшая Васи-

ля Марковича, была схвачена, обезоружена и связана... Нападеніе было такъ неожиданно, такъ внезапно, что никто не подумалъ сопротивляться, — да и бесполезно было: до полусотни темныхъ фигуръ наполнило тихую прогалину.

Передъ пораженнымъ бѣднымъ Василиемъ Марковичемъ, тоже не успѣвшимъ опомниться, сверкнуло дуло ружья.

— Бросай оружіе... убьемъ! — сказалъ хриплымъ голосомъ невеселый, коренастый мужчина, — Живо... и суму подавай!

Василий Марковичъ бросилъ лежавшіе въ кабурахъ пистолеты, сознавая ихъ бесполезность.

— У меня денегъ нѣтъ! — сказалъ онъ, сходя съ лошади и печально оглядывая своихъ связанныхъ спутниковъ, привыкшими кь темнотѣ глазами.

— Нѣ-ту?! — закричалъ старшій, замахаясь надъ нимъ какимъ-то оружіемъ, вотъ тебѣ!..

Алтайская калмычка.

Алтайскій калмыкъ.

денегъ отправиться въ горы для открытія рудниковъ, и тутъ только обратилъ внимание на толки о Егрокшѣ, — онъ предостерегали, совѣтовали быть осторожнымъ. Но онъ, не трусливый отъ природы, зашелъ надъ этими предосторожностями. — „Изъ сѣдоухъ дѣлѣ — его могутъ обобрать и убить... но что-же дѣлать, если ѣхать необходимо? — И Василий Марковичъ потѣхалъ, захвативъ съ собою конвой, выбравъ хотя и окольную, но менѣе опасную дорогу.

Хороша весною сибирская тайга! Воздухъ напоенный ароматомъ горныхъ травъ и пѣвотъ, вливаясь силой въ самое слабое тѣло... Горы, эти величавые безсмысленные сторожа долинъ, рисуются на фонѣ вечерняго неба тонкими силуэтами своихъ высокихъ вершинъ; на нихъ легли тоны заката... Ночь, поглощая эти послѣдніе отблески дня, опускалась беззвучная, но ясная, звѣздная; тамъ, внизу, подъ спускомъ съ перевала, поросль долины задремала, не шевеля листьями; дальше —

— Стой! стой!! и быстрый топотъ лошади и отчаянный крикъ врѣзались въ слухъ Василия Марковича, но пришелъ онъ въ себя лишь тогда, когда почувствовалъ, что его высоко संबѣденъ отъ прикосновения стали и услышалъ возмущенный, раздраженный голосъ тяжело дышавшаго человека около себя.

— Слава Богу, во время... да я бы тебя оканяного, самого убилъ за это!!

Кричали не на Василия Марковича, и онъ понялъ это тотчасъ-же.

— Да какъ вы смѣли безъ меня, негодные?!.. Баричъ... голубчикъ мой!!... Ахъ, опи каналы... огня!!... ближе... живо!!... конвойныхъ убили... али живы? душегубы проклятые!!... да какъ смѣли-то вы, какъ смѣли! за каждый его волосъ я бы васъ пытками замучилъ, варнаки!!..

Василий Марковичъ смотрѣлъ широко раскрывъ глаза, на говорившаго, и рукою отстранялъ отъ себя все еще стоявшихъ около него

людей, которые, испуганно глядя на его заступника, заслоняли его немного. Что-то знакомое чудилось ему в этом лице, умном, даже красивом, теперь сильно взволнованном... а глаза?... Эти черные глаза?... где-то он их видел?... и припомнил разогн.

— Егрокка!..

— Я... я... благодетель мой!... Егрокка... раб твой до конца жизни моей!... а они, атамана не дождавшись, погубить тебя надумали... а сами не вдали, что ты для меня больше всех их стоишь!.. Ах, вы, живодеры—жадные!... на ково, напали, проклятые, кабы знали...

— Прости, атаман, не знали; твоего приказу точно не было... только думали мы...—заговорили разбойники.

— Молчать!—грозно крикнул Егрокка.—Говорю—молите Бога, што живи отгы... Онъ во мнѣ человекъ призналъ, а вы съ нимъ какъ съ зверемъ!..

— Ахъ, баринъ мой, сердешный... помнишь ты, што сдѣлалъ для меня? помнишь тѣхъ твоихъ зѣврей вольныхъ въ рудникъ, когда меня смертныи боемъ избитого на веревкѣ, какъ скотину, волокли, ты во мнѣ человекъ увидалъ несчастнаго и одинъ пожалѣлъ?!.. Они думали, у меня души нѣтъ, что я зѣврей и ничего не пойму, а я понялъ... душу ты мою размягчилъ тогда, въ добро повѣрить заставилъ эту душу, истомленную, озлобленную, въ грѣхахъ погнѣбавшую; ровно родному одежку далъ вѣлѣть... кадоши свои отдать на ноги мои изыблѣ!... Я бы можеть погнѣбл безъ нихъ: вѣдь никто мнѣ потомъ, кромѣ тебя, до города провожалъ, пимовъ не далъ!.. Я такъ въ нихъ и въ торюму прибылъ... во вѣкъ я тебя, баринъ, не забуду... дай-тебѣ Господи всего хорошаго за то, что ты зѣвремъ—разбойникомъ тогда не погнушался... пожалѣлъ его...—и Егрокка до самой земли склонился головою.

Молчаливо стояли разбойники: ихъ лица теперь не казались дикими и страшными, они какъ то поумирали и смотрѣли въ землю, а Егрокка, вставъ, уже властно командовалъ ими.

— Живо всѣхъ развязать... все добро въ сумы уложить и до конгитки единой денги барину отдать! слышите?—до единой конгитки!.. Проводить собиравься ты, Чугунъ и Андрейка, на Пентюка прихватите,—чтобы оныи барина дѣл наши не задѣли!.. Головой, варнаки, отвѣтите, коли что!...—и глаза его, большіе, черные, гнѣвно и страшно блеснули...

Прощай, баринъ. Не поминай лихомъ Егрокку... разбойника!

А. Мирская.

Къ рисункамъ.

Альбомъ видовъ и типовъ Сибири.

Приступая съ настоящего дня къ изданію при «Сиб. Ж.» особаго иллюстрированнаго воскреснаго приложения, редакция намѣрена ответить часть этого приложения для ознакомленія своихъ читателей какъ съ тѣмъ либо выдающимися жѣтностями Сибири, такъ и съ типами населяющихъ ее инородцевъ. Самый живописный и самый любопытный уголокъ Сибири это, несомнѣнно, Алтай; съ него мы и начинаемъ нашъ «Альбомъ видовъ и типовъ Сибири».

До прихода русскихъ Алтай былъ занятъ тюркскими или татарскими племенемъ, которому русскіе люди, приселившіеся къ Алтаю въ началѣ XVIII столѣтія, дали имя калмыки; они были введены въ заблужденіе домашней обстановкой и костюмомъ алтайскихъ жителей, которые послѣдніе заимствовали у монголовъ, а потому то внѣшности и не похожи на другія тюркскія племена Сибири, а при первомъ знакомствѣ напоминали русскимъ волжскихъ калмыковъ. Мы не намѣрены въ одномъ настоящемъ №-ѣ давать подробной статьи о калмыкахъ: такая статья, намъ думается, составится постепенно изъ нашихъ объясненій къ иллюстраціямъ, а потому ограничиваемся на сегодня лишь самыми необходимыми данными.

Алтайскіе калмыки—кочевники, занимающіеся скотоводствомъ и звѣрловодствомъ. Лишь въ позднѣйшее время часть ихъ, съ принятіемъ христианства, стала переходить къ осѣдлому образу жизни и занялась земледѣльемъ, большинство же алтайцевъ и до сихъ поръ—язычники-шаманисты, кочующіе по живописному Алтаю съ сво-

ими переносными жилищами—юртами. Нѣсколько юрты составляютъ айылъ, нѣсколько айыловъ—волость, во главѣ которой стоитъ «зайсанъ»—должностъ—наслѣдственная и пожизненная. Число алтайскихъ калмыковъ колеблется около 20 т., нарѣзъ—тюркское. Типъ алтайцевъ, конечно, монгольскій. Ростъ не высокій, но тѣлосложение крѣпкое, большая широкая голова, лицо скуластое и плоское, растительность на лицѣ—редкая и слабая, волосы—прямые и черные,—глаза узкіе, носъ приплюснутый. Цвѣтъ кожи смуглый желто-красноватый. Национальный костюмъ не сложенъ. Мужчины носятъ бараньи тулупы изъ цвѣтной матеріи съ черной отдѣлкой; на головѣ своеобразнаго покрова баранья шапка; сапоги—съ широкими голенищами, за которыми хранится табакъ и трубка; на опояскѣ—ножъ, огниво, труть и кремь. Костюмъ калмычки въ общемъ тотъ же, что и у калмыка, лишь сверхъ тулупа набрасывается безрукавка (чагадзъ), расшитая разноцвѣтными пятами и обрамленная золотистой парчей. Калмычки—шеголихи любятъ украшать себя массою всевозможныхъ бездѣлушекъ: раковинами, бусами, серьгами и т. п. Съ своими бараньими тулупами калмычки не разлучаются даже лѣтомъ. Но за послѣднее время, входя въ болѣе близкія сношенія съ русскими населеніемъ Алтая, калмычки постепенно бросаютъ свой костюмъ и переходятъ къ русскому, крестьянскому.

На этомъ мы и закончимъ сегодня нашу бесѣду о калмыкахъ, о которыхъ въ будущемъ намъ придется, конечно, еще многое сказать, и перейдемъ къ нашей третьей иллюстраціи изъ «Альбома»—*Рахмановскому озеру*.

Рахмановское озеро, лежащее въ Восточной части долины Арасана, едва-ли не самый живописный уголокъ Алтая. Съ трехъ сторонъ—горные хребты, ограждающіе эту жѣтность отъ вѣтровъ; берега озера густо заросли кедровникомъ, поверхность озера—зеркальная. Размѣры озера не велики: $3\frac{1}{2}$ версты въ длину и около $1\frac{1}{2}$ въ ширину. Въ 40 вер.—самая высокая на Алтаѣ гора—Бѣлуха. Но Рахмановское озеро не столько замѣчательно своими живописными мѣстоположеніемъ, сколько находящимися въблизи его горячими (отъ 34 до 42° С.) ключами. Рахмановскіе ключи давно уже пользуются большою популярностію среди алтайскаго населенія и нѣсколько врачей, производившихъ анализъ ключевой воды, признали ее цѣлбной. Въ настоящее время ключи въ арендѣ, и на нихъ устроены помѣщенія для жилья, ванны и прочія приспособленія, нужная для всякаго курорта. Рахмановскія воды особенно помогаютъ отъ застарѣлыхъ простудныхъ болѣзней, при ревматизмѣ, малокровіи, катарактахъ, золотухѣ, снимаютъ, при нѣкоторыхъ женскихъ болѣзняхъ и венерическихъ. Сезонъ начинается съ 15 мая и продолжается до половины августа. Лицъ, желающихъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ курортѣ, отсылаемъ къ № 100 «Сиб. Ж.» за мин. г.

Привалъ арестантовъ. Картина В. И. Яковля.

Тысячу верстъ уже прошла партія, еще тысячу ей предстоитъ пройти. День-душнѣй и зноенъ. Пыль заблещаетъ и въ ротъ и ность и затруждаетъ дыханіе. А у арестантовъ на ногахъ—тяжелыя желѣзные кандалы, у солдатъ на плечахъ—тяжелая ружья. Неумолимая же судьба гонитъ ихъ впередъ, въ глубь невѣдомой, суровой Сибири. Судьба нѣтъ дѣла, что людямъ печѣмъ дышать, что у людей биты ноги отъ кандаловъ, стерты плечи отъ ружей. Ей нѣтъ дѣла до этого и люди идутъ и идутъ. Идутъ, хотя у нихъ горло пересохло отъ жары и нли, ноги ломаются отъ усталости, мысли путаются подъ вліяніемъ зноя и надсалы. У болѣе слабыхъ является желаніе упасть прямо на дорогу, въ пыль. Хотя на минуту, но дать натруженнымъ ногамъ и плечамъ отдыхъ, хоть на мигъ дать вздохнуть разбитому тѣлу. И это желаніе, наконецъ, осуществляется.

Начальникъ конвой толке изнылъ отъ жары, и у него явилось желаніе минутнаго отдыха и онъ кричитъ—стой! И гдѣ толка засталъ этотъ крикъ измученныхъ людей, тамъ они и попадали на дорогу.

Пусть здѣсь и пыльно и жестко, но у нихъ нѣтъ настолько энергіи, чтобы сдѣлать еще два шага и выбрать поудобнѣе мѣсто. На это нужны силы, а у нихъ нѣтъ ихъ, на это нужно время, а у нихъ такъ мало его.

Нужно пользоваться краткой минутой отдыха, такъ какъ въ каждое мгновеніе можеть раздаться крикъ—«впередъ!» и опять потянется безконечная пыльная дорога, опять зашагаютъ натруженные ноги, опять занесутъ отъ насады грудь, и такъ... тысячу верстъ.

Вотъ эту-то минуту отдыха и схватилъ на своей картинѣ В. И. Яковль. Насколько ему удалось воплотить этотъ моментъ—пусть рѣшаютъ читатели, мы же скажемъ одно:

— Грустная и тяжелая эта сцена и какъ много счастливіе наше время, когда тысячесверстные походы и мытарства по этапамъ отходятъ въ область преданій; правда, преданій мрачныхъ и страшныхъ, но всетаки преданій.

Научныя новости.

Лучи радія—чудо XX вѣка. Открытіе Рентгена въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи произвело цѣлый переворотъ въ наукѣ, пошатнуло многія твердо установившіяся теоріи и заложило большую загадку людямъ науки, особенно съ тѣхъ поръ, какъ были открыты, такъ называемыя, радиоактивныя вещества, по своимъ свойствамъ иудія въ разрѣзъ со всѣми научными положеніями.

Вопросъ этотъ сильно заинтересовалъ и публику, которая переполнила залъ петербургскаго общества охраненія народнаго здравья, гдѣ д-ръ Е. С. Лондонъ сдѣлалъ недавно докладъ на эту тему.

Работа надъ урановыми солями Беккерель напелъ, что уранъ испускаетъ сильныя лучи. Жена проф. Кюри, изслѣдуя урановую руду, выдѣлила особое вещество, которое дѣйствуетъ въ сто тысячъ разъ сильнѣе чѣмъ уранъ. Выдѣлитъ это вещество въ чистомъ видѣ ей не удалось, и въ настоящее время работаютъ съ бромистымъ радіемъ.

Главное физическое свойство радиоактивныхъ веществъ это ихъ разложеніе черезъ воздухъ на электризованный тѣла. Это демонстрируется очень простымъ опытомъ: электроскопъ, стоявшій раньше въ электрическомъ состояніи, въ нѣкоторое разстояніи отъ электроскопа помѣстивъ радій и электроскопъ быстро разряжается, и наэлектризованный тѣло его зарядитъ вновь. Точно также радій уничтожаетъ и магнитныя свойства. Надо замѣтить, что само производятъ ничтожныя количества радиоактивныхъ веществъ (чистаго радія), заключеннаго въ тѣло радія. Радій испускаетъ изъ себя особыя лучи, обладающія также радиоактивными свойствами. Кроме того, радій можеть передавать свои свойства другимъ веществамъ (напр., бумагѣ), но вторичное дѣйствіе слабое.

Наиболѣе необъяснимымъ является то, что энергія дѣйствія радія не истощается. Радій испускаетъ троякаго рода лучи, которые можно добыть въ чистомъ видѣ: альфа-лучи (которые при преградѣ поглащаются), бета-лучи (которые отклоняются магнитомъ) и гамма-лучи, проходящіе черезъ всѣ тѣла.

Химическое свойство радія—дѣйствіе на свѣточувствительную пластинку—очень велико; подъ его вліяніемъ сулема превращается въ каломель, кислородъ—озонизируется.

Докладчикъ произвелъ поразительныя опыты, которые показали, что радій можеть дѣйствовать на разстояніи. Бѣлая мыши помѣщались въ коробку, надъ которой находился радій; черезъ нѣкоторое время у мышей обнаруживалось сильное покраснѣніе ушей, апатичное состояніе, параличъ заднихъ конечностей и черезъ четверо сутокъ—смерть при являющемся залушеніи. Вскрытіе показало измѣненіе въ головномъ мозгу и въ кождѣ (полная гибель волосныхъ вѣлашій). Сильное дѣйствіе оказываютъ радій на глаза. Если приложить радій къ лобному мѣсту черепа, получается сильное ощущеніе свѣта.

Докладчикъ воспользовался этимъ свойствомъ, чтобы продѣлать рядъ опытовъ надъ слѣпыми. Одинъ изъ такихъ слѣпыхъ—слѣпый отъ рождения мальчикъ—былъ показанъ присутствующимъ. У большинства слѣпыхъ сохраняется свѣтосощеніе; при помощи радія онъ совершенно свободно различаетъ предметы; постепенно обучая его, удалось добиться того, что мальчикъ свободно читалъ.

Буквы помѣщались въ экраномъ, гдѣ находился радій. Докладчикомъ, кроме того, былъ продѣланъ рядъ демонстрацій съ различными предметами. Такъ, напр., массивный серебряный дискъ, положенный въ боковой карманъ, въ видѣ зрительнаго, въ конспектѣ можеть различить монеты и т. д.

Непонятенъ и такой фактъ: если къ чашкѣ вѣсовъ привѣсить шарикъ въ 1 гр. и уравновѣситъ его, а затѣмъ къ первой чашкѣ на разстояніи полнети радія, эта чашка вѣсовъ поднимается вверхъ, т. е. вѣсъ шарика какъ-бы уменьшился.

Однимъ словомъ, новое открытіе заставляетъ вновь пересмотрѣть многіе научные законы и открывать широкаго поле для изслѣдованій, которыя, по всей вѣроятности, будутъ имѣть и большое практическое значеніе.

(Н. П.).

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.